

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ВЕНГЕРСКИХ ВЛАСТЕЙ (1939—1944 гг.)*

Анализируется характер культурно-просветительских обществ Подкарпатской Руси в период венгерского господства. Рассмотрены основные механизмы ограничения активности русофильских и украинофильских обществ со стороны венгерских властей. Деятельность провластных организаций показана в контексте официального курса «угрорусинизма», направленного на поддержку локальной русинской идентичности в противовес иным национальным проектам и культивирование в среде восточнославянского населения региона идеи полной лояльности венгерскому государству. Отдельно анализируется функционирование «Подкарпатского общества наук» — крупнейшей культурно-просветительской организации региона.

This article analyzes the nature of cultural and educational institutions of Carpathian Ruthenia during the Hungarian domination in this region. The author reviewed the basic mechanisms of limitation of activities of Russophile and Ukrainophile organizations by the Hungarian authorities. The activities of pro-government organizations is considered in the context of the official exchange rate «Ugrorusinism» aimed to support local of Ruthenian identity in return for other national projects and cultivation among Eastern Slavic population of the region the idea of complete loyalty to the Hungarian state. The author separately analyzes the functioning of «Carpathian Society of Sciences» — the largest cultural and educational institutions in the region.

Ключевые слова: идентичность; русины; русофилы; украинофилы; русинофилы; «угрорусинизм».

Keywords: identity, Ruthenians; Russophile; Ukrainophile; Rusinophile; «Ugrorusinism».

В межвоенный период интеллектуальные элиты Подкарпатской Руси, входившей в это время в состав Чехословакии, получили широкие возможности для свободного выражения своих идейных воззрений. Вследствие этого формируется несколько моделей идентичности местного восточнославянского населения региона, которые при определенной доле упрощения можно определить как русофильскую, украинофильскую и русинофильскую. После поэтапного включения территории Подкарпатской Руси в состав Венгрии (ноябрь 1938 г., март 1939 г.) был разработан новый идеологический курс «угрорусинизма», приверженцы которого постулировали тезис о культурной самобытности русинского народа и его приверженности идеям венгерской государственности. В этих условиях перед венгерскими властями остро встал вопрос об отношении к русофильским и украинофильским организациям, а также о создании провластных культурно-просветительских обществ.

* Подготовлено при поддержке Посольства Словацкой Республики в Республике Беларусь.

Русофильские и украинофильские культурные организации: борьба за существование в неблагоприятных условиях. Культурно-просветительские общества прорусской и проукраинской ориентаций не вызывали доверия у представителей венгерских властей. С первых дней после смены государственной принадлежности региона остро встал вопрос о существовании данных организаций. Уже в январе 1939 г. секретарь русофильского «Общества им. А. Духновича» С. Фенчик в письме министру внутренних дел Венгрии просил разрешить его деятельность на «вернувшейся к Родине территории» Подкарпатской Руси. Руководитель организации перечислил ее достижения в культурной жизни региона: 16 лет работы, 400 тыс. членов, 333 читальни, 32 кружка, 15 хоров, 232 любительских театральных коллектива. С. Фенчик резюмировал свои мысли следующим образом: «Я осмелюсь заметить, что, по данным официальных кругов, около 70 % культурной работы в Подкарпатье выполнило “Общество им. А. Духновича”, при этом с 1932 г. оно не получило от государства ни филлера, в то время как украинская “Просвита” получила в сумме больше миллиона» [1, л. 3].

Венгерские власти были склонны к компромиссу с руководством влиятельной институции региона. В апреле 1940 г. бургомистр Ужгорода в письме к поджупану Ужанской жупы предлагал легализовать деятельность общества, которое, на его взгляд, являлось одновременно «носителем венгерского и угрорусского духа», а руководство организации во главе со С. Фенчиком — «приверженцами свято-стефанской концепции», которые «будут служить универсальным венгерским целям в Подкарпатье» [2, л. 7]. В свою очередь поджупан в письме министру внутренних дел Венгрии выразил свои пожелания относительно будущего функционирования организации: исключение из устава всех положений, которые содержат указания о политическом, а не только культурном характере деятельности общества; недопустимость утверждения в качестве официального языка институции одного только «угрорусского»; желательность использования термина «рутен» вместо наименований «русский» или «угрорусский» [3, л. 10]. В конечном итоге требования поджупана, кроме последнего, были выполнены [4, л. 14]. «Общество им. А. Духновича» продолжило свою работу, но уровень ее активности значительно снизился. В одной из статей русофильского издания «Русская правда» по этому поводу отмечалось, что деятельность организации ограничивалась «рядом незначительных предвзятий, местными читальнями, библиотекой при центре общества в Ужгороде». Автор заметки делал следующий вывод: «Нужно один раз уже осознать, что общество Духновича должно у нас играть роль научного общества или Академии наук. В этом сознании должны работать ведущие общества, а если они к этой работе не способны, пусть уступят свои места другим, более способным» [5, с. 2].

Иное крупное культурно-просветительское объединение Подкарпатской Руси — организация «Школьная помощь» — в межвоенный период занималось издательской деятельностью, доходы от которой шли на содержание двух интернатов для учащейся молодежи в Ужгороде и Мукачево. Представителю государственного департамента печати Й. Тороцкой было дано поручение проанализировать работу организации. На его взгляд, «Школьная помощь» занималась «воспитанием молодежи не в русинском, а в великорусском духе». Чиновник отмечал, что проблемы организации связаны с «устаревшим оборудованием и бесхозяйственностью», а отнюдь не с предвзятым отношением со стороны венгерских властей. Также Й. Тороцкой предупредил о том, что закрытие организации может стать аргументом в обвинениях венгерского государства со стороны русофильской прессы в «сокращении числа русинских учреждений» [6, л. 4, 7]. Правительственный комиссар Э. Малинич отмечал, что возглавляемая руководителем организации И. Цуркановичем «Карпаторусская трудовая партия» (придерживалась аграрной и левоцентристской ориентации) «по существу, играла роль православного филиала партии Бенеша». Э. Малинич считал организацию полностью лояльной чехословацкому режиму и призывал власти «не верить красивым словам» ее представителей [7, л. 161]. В итоге организация так и не получила разрешения на деятельность.

В украинофильское общество «Просвита» был делегирован правительственный комиссар Д. Л. Секей. Согласно его отчету, организация «не только вела антивенгерскую работу, но и своей деятельностью противоречила менталитету местных русинов, способствовала их денационализации и принятию чуждой украинской национальной ориентации» [8, л. 5]. С такими же предложениями в адрес регентского комиссара Подкарпатской территории Ж. Перени обратились депутаты венгерского парламента Ш. Чуха, П. Гапка, К. Гоцки. На их взгляд, деятельность организации представляла угрозу венгерской государственности, так как «за культурными целями „Просвиты“ скрывались серьезные политические амбиции» [9, о. 140]. В свою очередь руководители «Просвиты» Ю. Брашайко и Ф. Ревай в письме ужгородскому бургомистру заявляли о своей полной лояльности режиму: «Мы никогда не занимались политикой, никогда не причиняли вреда ни венгерскому государству, ни венгерской нации, потому что никогда не были врагом какого-либо государства, но хотели только одного: повышения культурного уровня украинско-русинского населения Подкарпатья» [10, л. 28]. Тем не менее 3 февраля 1940 г. решением властей Венгрии организация была распущена [9, о. 140].

В то время, когда будущее «Просвиты» еще не было определено, активно обсуждался вопрос о перераспределении имущества общества. Так, 26 августа 1939 г. на совещании с участием бургомистра Ужгорода свои претензии на штаб-квартиру «Просвиты» выразили представители организаций «Венгерская национальная ассоциация обороны», «Союз витязей» и др. [11, л. 35] Однако регентский комиссар М. Козма предложил передать бывший дом «Просвиты» недавно созданной организации «Подкарпатское общество наук» (далее — ПОН). В письме жупану жупы Унг — Берег — Угоча А. Шименфалви глава венгерской администрации региона утверждал о недопустимости сложившейся на тот момент ситуации, когда ПОН располагалось в здании резиденции регентского комиссариата. Это, по мнению М. Козмы, дискредитировало официально провозглашенную аполитичность данной научной институции [12, л. 42]. Параллельно с этим письмом А. Шименфалви получил послание от руководства ужгородского филиала «Союза витязей». Лидеры организации призывали жупана поспособствовать закреплению за ней бывшей штаб-квартиры «Просвиты», мотивируя это «большим значением с национальной точки зрения»: перспективой превращения Ужгорода в «оплот венгерской национальной идеи и венгерского духа» [13, л. 44]. А. Шименфалви, однако, 9 апреля 1941 г. рапортовал министру внутренних дел Венгрии о необходимости передачи дома «Просвиты» в ведение ПОН, что, по его мнению, было полезно не только с точки зрения национальной политики в русинском вопросе, но и с точки зрения внешней политики [14, л. 58]. В июне 1941 г. ПОН официально была передана бывшая штаб-квартира «Просвиты».

Подкарпатское общество наук — крупнейшая культурно-просветительская организация региона. 26 января 1941 г. на торжественном открытии новой организации ее идейный вдохновитель М. Козма заявил: «Народ Подкарпатья свою самостоятельную, независимую и народную культуру хочет строить в рамках венгерского государства, в рамках венгеро-русинского слияния». Регентский комиссар особо подчеркнул, что русинский народ своими силами, без помощи венгерского правительства не смог бы создать подобной организации. При этом М. Козма ясно очертил границы деятельности ПОН: «Организация должна служить народному самоопределению, особого рода культуре и языку, без посторонних политических или культурных целей» [15, с. 181, 182]. Таким образом, ПОН являлось инструментом для пропаганды идеи русинско-венгерского братства на научной основе, действовало в русле официального идеологического курса венгерской власти.

Цель общества, согласно уставу, формулировалась следующим образом: «Изучение географии, этнографии, истории, языка, литературы, искусства и других вопросов народной жизни Подкарпатья на научной основе, создание и распространение научного и литературного продукта на венгерском и русинском языках». Уставом была предусмотрена возможность широкого контроля властями деятельности организации. Так, новые члены ПОН ут-

верждались регентским комиссаром и министром внутренних дел. Для надзора за работой ПОН, характером издаваемой печатной продукции создавалась специальная ассамблея, возглавляемая регентским комиссаром и подотчетная министру внутренних дел и министру по делам вероисповеданий и образования. Если возникали подозрения в том, что ПОН занимается «антигосударственной деятельностью», несет «угрозу общественной безопасности», министр внутренних дел имел право приостановить его работу [16, л. 1, 8].

С организационной точки зрения ПОН состояло из трех секций: научной, этнографической и секции русинского языка и литературы. Председателем общества был избран А. Годинка, его заместителем — И. Контратович, в 1942 г. председателем общества стал А. Ильиницкий. Наряду с последователями идеи угро-русинизма (Г. Стрипский, Е. Бокшай, И. Муравий) в деятельности ПОН приняли участие и представители других культурно-идеологических направлений, которые в своих работах не переходили запретных границ лояльности венгерскому режиму. Среди них следует отметить украинофила А. Маркушу, русофила П. Сову и др. [17, р. 163] ПОН издавала периодические издания «Зоря — Najnal», «Руська молодежь», «Литературна Неделя». Помимо периодических и внесерийных изданий (три книги) ПОН за короткий период успело издать преимущественно на русинском языке в составе книжных серий: «Литературно-наукова бібліотека» — 42; «Народна бібліотека» — 32; «Деточа бібліотека» — 12; «Школьне учебники» — три отдельных издания [18, с. 16—22]. Одной из важнейших целей ПОН было распространение выработанных научных идей в адаптированном виде в народной среде (прежде всего, среди подрастающего поколения).

Новая культурно-просветительская институция пользовалась поддержкой со стороны властей. В собственность ПОН перешли типографии «Школьной помощи» и «Просвиты». Финансовая база недавно созданной организации значительно укрепилась за счет денежных вложений премьер-министра Венгрии (5 тыс. пенго), министра по делам вероисповеданий и образования (2 тыс.), регентского комиссара (1 тыс.), дирекции венгерского радио (2 тыс.), правления кооперативов «Гандя» (5 тыс.), дирекции общества «Латорица» (1 тыс. пенго) [9, о. 142].

Региональная пресса активно освещала деятельность ПОН. Так, например, на общем собрании организации в мае 1941 г. в присутствии министра по делам вероисповеданий и образования Венгрии Б. Гомана А. Годинка заявил о необходимости кодификации русинского литературного языка, который «не был бы под влиянием ни великорусского, ни украинского языка, опираясь исключительно на язык здешнего народа, мог бы развиваться». Итог собранию подвел Б. Гоман: «650 или 700 лет живут на этой земле русины вместе с мадьярами; поднимают свою культуру на высшую ступень в совместном сожитии с мадьярами» [19, с. 2]. Лидеры организации, помня слова М. Козмы о допустимых границах деятельности, часто заявляли о своей аполитичности. Так, А. Ильиницкий на собрании, посвященном годовщине образования ПОН, отмечал следующее: «ПОН не занимается политикой, так как политизирование было бы причиной нежелательных последствий, оно работает лишь ради улучшения культурной и научной жизни... Цель — служить становлению собственного языка и культуры, без всяких политических целей» [20, с. 3].

Провластные культурно-просветительские организации Подкарпатской Руси. Значительным явлением общественной жизни Подкарпатской Руси стало функционирование венгерской организации «Левенте». Основная цель организации заключалась в осуществлении допризывной подготовки молодежи, однако ее деятельность оказала существенное влияние на национально-культурную ситуацию в регионе. Цель «Левенте», согласно уставу, заключалась в «воспитании у молодежи духа единства, национального чувства, религиозности, готовности к борьбе, военной, общественной и гражданской добродетели; развитии и консолидации национального сознания; повышении интеллектуальной и физической стойкости; обеспечении правильного использования молодежью своего свободного времени». В качестве средств достижения цели в уставе оговаривались: «организация празднований, пред-

ставлений, курсов, соревнований, экскурсий, лагерей; занятия молодежи в библиотеках, хорах, музыкальных коллективах» [21, л. 25]. Министр по делам вероисповеданий и образования Венгрии в письме к руководителям отделов народнообразовательной внешкольной работы отмечал, что многие новобранцы венгерской армии «не имеют элементарного национального чувства, которое необходимо для осознания национальной жизни, интеграции в венгерское сообщество и государственный организм». Этот пробел в воспитании молодежи, по мнению министра, должны были восполнить курсы «Левенте» [22, л. 2].

В Подкарпатской Руси организация «Левенте» развернула активную деятельность. Часто проводились встречи представителей молодого поколения русинов с венгерскими военными, в том числе и во внутренних регионах страны. В свою очередь члены «Левенте» из этнических районов Венгрии организовывали свои лагеря в окрестностях русинских сел [23, о. 95].

Официальная региональная пресса позиционировала «Левенте» как «мощную, процветающую, жизнеспособную организацию», осознающую «серьезные задачи, которые она должна выполнить в непростое для венгров время» [24, о. 1]. Однако документы свидетельствуют о том, что организация не пользовалась столь широкими симпатиями в обществе. Так, командующий Ужгородским округом «Левенте» в письме к бургомистру города сообщал, что в 1941/42 учебном году на занятиях «Левенте» отсутствовало 50—60 % учащихся. Объяснялось это, на взгляд руководителя регионального филиала общества, «дефицитом одежды, вызванным военным временем», а также «медленными ответными правовыми мерами и бюрократизмом в их реализации». Предлагалось следующее решение: размещение с 15 августа по 1 сентября 1942 г. больших объявлений, в которых содержалась бы информация об административной ответственности за непосещение курсов «Левенте» родителей молодых людей или их работодателей [25, л. 1].

Издание «Русская правда», позволявшее себе резкую критику национальной политики венгерских властей в Подкарпатской Руси, периодически помещало на своих страницах материалы с негативной оценкой деятельности «Левенте». Так, по замечанию автора одной из статей, на танцевальный вечер общества в Хусте пришло «мало угрорусов, даже из “Левенте”». Устроители объясняли это «провокацией угрорусов» и их «нелюбовью к мадьярам», хотя сами, на взгляд автора, «не выполняли братские обязанности по отношению к угрорусской общественности». Все афиши предстоящего мероприятия были написаны на венгерском языке, и «угрорусская публика, видя неуважение к своему родному, отплатила тем же» [26, с. 2]. О низкой посещаемости мероприятий «Левенте» сообщалось и в венгероязычном офицозе. По мнению авторов статьи, это свидетельствовало о том, что «часть общества не видит в венгерской молодежи будущих солдат, героев, государственных строителей», что являлось «плевком в душу и сердце» венгерской общественности [27, о. 2].

В тесной связи с «Левенте» действовала «Национальная ассоциация католической сельской молодежи» (далее — НАКСМ). 18 октября 1941 г. лидеры организаций подписали договор о сотрудничестве [28, с. 1]. В Подкарпатской Руси функционировал филиал НАКСМ — Организация греко-католической молодежи (далее — ОГМ). В одной из программных статей в газете «Неделя» ОГМ именовалась «христианской организацией молодежи, которая исключает партийную, политическую и противонародную вредную деятельность, несет Богу, Церкви, государству и народу молодежь, здоровую духом и телом, чистую душевно и телесно, молодежь с характером в полном смысле этого слова» [29, с. 3—5].

ОГМ были организованы трехнедельные курсы дополнительного образования, участники которых слушали лекции о «Боге, государстве, культуре села, хозяйстве, левентах, любви к Родине, песнях и танцах». Целью подобных курсов провозглашалось воспитание «нового человека, который полон одушевления, охоты и отваги действовать во благо улучшения социально-культурной жизни народа» [30, с. 3]. Участникам курсов была организована встреча с регентским комиссаром П. В. Томчани, который произнес торжественную речь на русинском языке и пожертвовал 150 пенго на праздничный обед в честь окончания работы школы

[31, с. 2]. В местной прессе подобные курсы позиционировались как ответ на «клевету» в адрес властей в мадьяризации и недостаточном внимании к русинской культуре [32, с. 4].

В селе Середнее 14 сентября 1941 г. состоялось торжественное собрание по поводу основания «Общества им. И. Куртяка», которое возглавил Д. Бокшай. Регентский комиссар М. Козма в своей речи еще раз предупредил о недопустимости использования вопроса культурной жизни русинов в политических целях. Политика, по мнению М. Козмы, «отодвигает народ от настоящей, правдивой его сущности», результатом чего стала приверженность части интеллигенции региона русофильским и украинофильским идеям. Регентский комиссар указывал на историческую общность судеб русинов и венгров: «700 лет мы жили здесь вместе, и никто не сможет повернуть течение рек, которые текут с севера на юг и соединяют нас на Алфельде» [33, с. 2]. От имени участников собрания была послана телеграмма премьер-министру Венгрии Л. Бардоши: «Мы сегодня собрались в Середнем, чтобы от имени молодой русинской интеллигенции выразить веру в русинскую народную мысль и братство с венграми, которое подтолкнуло нас к вечному единству в рамках свято-стефанской мысли» [34, о. 254].

В Мукачево 20 марта 1941 г. было основано «Общество боевого братства им. М. Берчени», которое объединило тех, кто «на протяжении 20 лет добивался воссоединения региона с истинной Родиной, отстаивал свято-стефанскую идею, сидел за это в тюрьме, терпел насилие или понес материальный урон» [9, о. 111]. Возглавил организацию Э. Рошкович. Большинство членов общества составили участники «гвардии оборванцев» — специальной диверсионной группы, которая осуществляла в Подкарпатской Руси акты саботажа осенью 1938 г. Центральные власти заинтересовались данным фактом, и регентский комиссар М. Козма вынужден был в письме сотрудникам министерства обороны поручиться в полной лояльности и верности венгерскому режиму данных людей [35, о. 778]. Члены общества часто выступали в роли эффектной свиты регентского комиссара во время его поездок по региону [36, о. 1].

Своеобразной можно назвать судьбу «Общества русинов Венгрии», почетными сопредседателями которого были А. Бродий и А. Ильиницкий. Организация была создана 22 января 1939 г. в Ужгороде. Весной 1939 г. во властных кругах стали циркулировать разговоры о том, что «миссия организации выполнена», и решением премьер-министра «Общество русинов Венгрии» было распущено в сентябре 1939 г. [34, о. 255].

Таким образом, стремления венгерских властей были направлены на ликвидацию или максимальное ограничение деятельности тех культурно-просветительских организаций, члены которых придерживались русофильских или украинофильских позиций. Общества, которые функционировали в русле политики «угрорусинизма» и провозглашали полную аполитичность своих программных установок, пользовались поддержкой (прежде всего финансовой) со стороны властных элит. Однако их деятельность часто становилась предметом критики со стороны значительной части интеллигенции региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Государственный архив Закарпатской области (далее — ГАЗО). Ф. 47. Оп. 1. Д. 66 — «Duchnovics» Orosz kultúregyesületnek vezetőinek levele M. kir. Belügyminiszterhez. Tárgy: «Duchnovics» Orosz kultúregyesület és olvasóköréi működésének engedélyezése a visszacsatolt területeken». 1939. Január 26.
2. ГАЗО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 66 — Ungvár thj. város Polgármesterének levele Ung vármegye és Ungvár thj. város Főispánához. Tárgy: «A Duchnovics Magyar-Orosz Művelődési Egyesület módosított alapszabályának jóváhagyása». 1940. Április 13.
3. ГАЗО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 66 — Ung vármegye és Ungvár thj. város Főispánjának levele M. kir. Belügyminiszterhez. Tárgy: «A Duchnovics Magyar-Orosz Művelődési Egyesület módosított alapszabálya».
4. ГАЗО. Ф. 50. Оп. 3. Д. 356 — Az ungvári Duchnovicsi magyar-orosz művelődési egyesület alapszabálya. Л. 14—25.
5. Общество Духновича не работает // Рус. правда. 1940. 24 июля.

6. ГАЗО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 5 — Torockói József okl. építész mérnök, m. kir. állami nyomdai osztályvezető, hatósági biztos jelentése a «Iskolasegély Egyesület» (Skolnaja Pomoscs) és az általa — Ungvár, Munkácsi Mihály-út. 49. szám alatt — fenntartott nyomdaüzem, valamint az ungvári és munkácsi internátus vagyoni állapotáról. 1940. November 7. Л. 1—7.
7. ГАЗО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 5 — Jelentés az ungvári «Iskolasegély Egyesület» vezetőségi tagjairól Ung vármegye Alispánjának. 1939. Június 26. Л. 159—161.
8. ГАЗО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 4 — Székely G. Levente levele Proszvita ukrán kultúregyesület vezetésének. 1939. Április. Л. 5—6.
9. *Brenzovics László*. Nemzetiségi politika a visszacsatolt Kárpátalján 1939—1944. Ungvár : Kárpátaljai Magyar Kulturális Szövetség, 2010. 204 o.
10. ГАЗО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 4 — Braschaykó Gyula és Révay Fedor levele Ungvár polgármesteréhez. 1939. Október 12.
11. ГАЗО. Ф. 47. Оп. 2. Д. 15 — Jegyzőkönyv, mely készült Ungváron 1939. augusztus hó 26-án délelőtt 10 órakor a polgármesteri hivatalban. Tárgy: «A Proszvita-házban elhelyezni kívánt társadalmi egyesületek ügye». Л. 35—38.
12. ГАЗО. Ф. 47. Оп. 2. Д. 15 — A Kárpátaljai terület kormányzói biztosának levele Siménfalvy Árpád Főispánhoz. 1941. Január 8.
13. ГАЗО. Ф. 47. Оп. 2. Д. 15 — Országos Vitézi Széknek vezetésének levele Siménfalvy Árpád Ung vármegye, Bereg-Ugocsa vármegye és Ungvár thj. város főispánhoz. 1941. Január 23.
14. ГАЗО. Ф. 47. Оп. 2. Д. 15 — Ung vármegye és Ungvár thj. város Főispán levele Belügyminiszterhez. Tárgy: «A felosztott ungvári «Proszvita» Ukrán Kultúregyesület vagyoni helyzete». 1941. Április 9.
15. Протокол написаний в Унгваре 26 января 1941 года на закладающем собрании Подкарпатского Общества Наук // Зоря — Hajnal. 1941. № 1—2. С. 180—184.
16. ГАЗО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 8 — A Kárpátaljai tudományos Társaság alapszabályzata. 1941. Május 10. Л. 1—9.
17. *Magocsi Paul Robert*. The Shaping of a National Identity. Subcarpathian Rus', 1848—1948. Cambridge : Harvard Ukrainian series, 1978. 640 p.
18. *Капраль М.* Подкарпатское общество наук. Публикації: 1941—1944. Ужгород : ПоліПрінт, 2002. 172 с.
19. Торжественное общее собрание Подкарпатского общества наук // Карпаторусский голосъ. 1941. 27 мая. № 39.
20. Одинъ рокъ успешной праце Подкарпатского общества наук // Неделя. 1943. 30 мая. № 20.
21. ГАЗО. Ф. 185. Оп. 3. Д. 52 — Leventeegyesületi alapszabályzat minta. Л. 24—35.
22. ГАЗО. Ф. 1096. Оп. 1. Д. 7 — М. kir. Vallás- és Közoktatásügyi Miniszter levele Ung vármegye iskolán kívüli népművelési bizottságának. Tárgy: «Leventék alapismeretterjesztő tanfolyamok tankönyv segélye». 1940. Április 13.
23. *Boros László*. Cserkészek és leventék Kárpátalján 1938—1941 között // Acta Beregsasiensis. 2011. № 1.
24. Megrendezik május 1-én a Levente Napot? Országó: viszonylatban is előt legyünk! // Kárpáti magyar hirlap. 1941. Október 24. № 244.
25. ГАЗО. Ф. 94. Оп. 5. Д. 278 — М. kir. Ungvári járási és Ungvár thj. város levente parancsnok levele Ungvár thj. város Polgármesteréhez. Tárgy: «A levente hiányzások jövőbeni meggátlására teendő intézkedések tbn.». 1942. Augusztus 8. Л. 1.
26. Танцевальная вечерина хустскихъ Левентовъ // Русская правда. 1940. 31 янв. № 21.
27. Magyar «Levente-est» a Városi Színházban // Kárpáti magyar hirlap. 1943. Junius 5—6. № 123.
28. ЛОК — КАЛОТ // Неделя. 1941. 9 новембра. № 18.
29. *Бобибча Н. О. Г. М.* в светлее сельскихъ руськихъ хлопцевъ // Неделя. 1942. 8 новембра. № 43.
30. Про вышу школу народного образования О. Г. М. // Неделя. 1943. 31 января. № 4.
31. Регентский комиссаръ П. Вильгельмъ Томчаний навищививъ вышу школу народного образования О. Г. М. // Неделя. 1943. 28 февраля. № 8.
32. *Дядько Докевичъ*. Закончивъ и другой руський курсъ на Высшой Школе Народного Образования въ Унгваре // Неделя. 1944. 5 марта. № 10.
33. Въ Середнемъ. 14. IX. 1941 // Карпаторусский голосъ. 1941. 23 сент. № 69.
34. *Botlik József*. Egestas Subcarpathica: adalékok az Északkeleti-Felvidék és Kárpátalja 19—20. századi történetéhez. Budapest : Hatodik Síp Alapítvány, 2001. 328 o.
35. *Ormos Mária*. Egy magyar médiavezér: Kozma Miklós. Budapest : PolgArt Könyvkiadó Kft., 2000. 843 o.
36. Kozma Miklós kormányzói biztos szolyvai látogatása // Kárpátalja. 1941. Május 12. № 46.

Статья поступила в редакцию 10 марта 2014 г.